

Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока

**Сергей Николаевич
ЛЕОНОВ**

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук

Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153

E-mail: Leonov@ecrin.ru

ORCID: 0000-0001-6936-5436; Researcher ID: V-3471-2019

Аннотация. Удачный опыт Франции в реализации концепции «полюсов роста» Ф. Перру привел к широкому использованию в мировой практике идей поляризованного развития при разработке пространственных стратегий. На российском Дальнем Востоке накоплен значительный и достаточно противоречивый опыт создания локальных точек роста. Цель исследования состоит в анализе дальневосточного опыта формирования локальных зон с преференциальными режимами хозяйствования, выявлении проблем их реализации и оценке влияния особых режимов локальных зон на экономику макрорегиона. Анализ результативности функционирования локальных зон базировался на оценке степени достижения целевых ориентиров для создания локальных «точек роста». Оценка влияния локальных зон на экономику ДВ выполнялась на основе сравнительного анализа демографии предприятий, изменения структуры доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов и качества региональных финансов за 2013–2019 гг. Реализация названных подходов показала, что бизнес-климат дальневосточных локальных зон имеет позитивный для их резидентов характер, но еще не устоялся; при отсутствии четкой позиции государства в формировании пропульсивных отраслей в большинстве локальных зон якорные проекты не имеют пропульсивного характера, а значительное число малых и средних предприятий слабо связано с предприятиями-лидерами зон; объективно формирующаяся в условиях санкционной войны нацеленность специализации дальневосточных локальных зон на внутренний спрос и импортозамещение может выступить тормозом их экспортной специализации; преференциальный климат локальных зон не оказывает явного положительного

Для цитирования: Леонов С.Н. Преференциальные режимы созданных локальных точек роста и их влияние на экономику Дальнего Востока // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 3. С. 28–45. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.3

For citation: Leonov S.N. Preferential regimes of established local growth points and its impact on the economy of the Far East. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 28–45. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.3

воздействия на бизнес-климат дальневосточных субъектов Федерации, а рост числа резидентов в локальных зонах с льготными условиями хозяйствования диссонирует с демографией предприятий ДВ. Выявлено ухудшение качества региональных финансов и снижение налогооблагаемой массы прибыли, что означает сжатие числа прибыльных предприятий на ДВ в результате ухудшения экономической ситуации и введения льготного налогового режима в локальных зонах региона.

Ключевые слова: территории опережающего развития, свободный порт Владивосток, Дальний Восток, эффективность развития.

Введение

Экономическое развитие любого макрорегиона всегда сопровождается значительной региональной поляризацией, которая выступает результатом территориального разделения труда и является устойчивой во времени и пространстве формой дифференциации производительных сил [1].

Теоретическое обоснование неизбежности региональной поляризации дал в середине XX века французский исследователь Ф. Перру, отошедший в своих построениях от принципа гомогенности (равномерности) территориального развития [2, с. 123–138]. В концепции «полюсов роста» он рассматривал экономическое пространство абстрактно, как определенное силовое поле разной напряженности, в котором действуют центростремительные силы, направленные к некоторым центрам (полюсам), и исходящие из последних центробежные силы [3]. Подобный подход трактует «полюса роста» как точки концентрации экономической, инвестиционной и инновационной активности, формирующиеся вокруг «пропульсивных» отраслей и способные генерировать экономический рост в масштабах обширных территорий [4; 5], поскольку создаваемые новые производства имеют больше шансов обеспечить агломерационную экономию, выгоды от использования общей инфраструктуры и расширения рынков сбыта экспортной направленности [6]. При этом важное значение приобретает формирование перечня и условий создания пропульсивных отраслей в проблемном регионе.

Наиболее интересные результаты при реализации концепции «полюсов роста» получены во Франции, где в настоящее время выделяется 69 полюсов роста, сформированных с учетом национальных, региональных и местных интересов в процессе определения их специализации [7; 8].

Удачный опыт Франции привел к тому, что теоретические положения концепции полюсов роста в настоящее время широко используются в мировой практике при разработке стратегий пространственного развития. При этом часто игнорируются неудачные примеры реализации данной идеи, хотя очевидно, что концентрация производительных сил в конкретной точке пространства может способствовать оттоку трудовых и материальных ресурсов в полюс роста, обнажая недостаток ресурсов и предпринимательской активности в периферийных районах. Более того, как отмечали М. Аглиетта и Р. Буайе, «было бы ошибкой пытаться импортировать иностранные модели, даже если они кажутся эффективными: речь идет о создании оригинальных форм экономической организации, которые бы были приспособлены к французскому (национальному – отмечено нами, С.Л.) социально-экономическому контексту» (цит. по [9, с. 92–93]).

В свете отмеченных положений цель данного исследования состоит в анализе накопленного на российском Дальнем Востоке (ДВ) опыта формирования локальных зон с особыми условиями хозяйствования, выявлении проблем их реализации, а также оценке влияния особых правовых режимов стимулирования предпринимательства в локальных зонах на экономику Дальнего Востока.

Использование методов оценки результативности функционирования локальных зон и их влияния на состояние региональной экономики осложняется в настоящее время нерешенностью теоретических проблем оценки результативности инструментов региональной политики [10; 11]. Оценка результативности применения инструментов государственной региональной политики выполняется только на этапе обоснования необходимости использовать конкретные

инструменты, мониторинг реализации проектов и программ ведется по показателям выделения и освоения инвестиционных ресурсов. Однако этого недостаточно.

В теории и практике региональной экономики выделяется как минимум четыре различных подхода к оценке результативности инструментов региональной политики: соизмерение издержек и выгод; сравнение действительных результатов применения инструментов региональной политики с возможными результатами развития без их применения; оценка отдельных индикаторов, выделяемых авторами для анализа; оценка степени достижения целей. Каждый подход имеет свои сильные и слабые стороны [12; 13; 14], но ни один из них не разработан полностью, а потому не является общепризнанным.

В настоящей работе использованы два методических подхода:

- при оценке результативности функционирования локальных зон внимание сфокусировано на оценке степени достижения ориентиров, прямо или косвенно декларируемых в качестве целей при создании конкретных локальных зон («точек роста») на Дальнем Востоке России;

- при оценке влияния локальных зон на экономику ДВ выполнялся сравнительный анализ демографии организаций дальневосточных субъектов РФ и локальных зон, учитывалось изменение структуры доходов консолидированных бюджетов дальневосточных регионов и качества региональных финансов на протяжении анализируемого периода (2013–2019 гг.).

Дальний Восток как пример реализации концепции полюсов роста. На протяжении всей истории хозяйственного освоения регион вы-

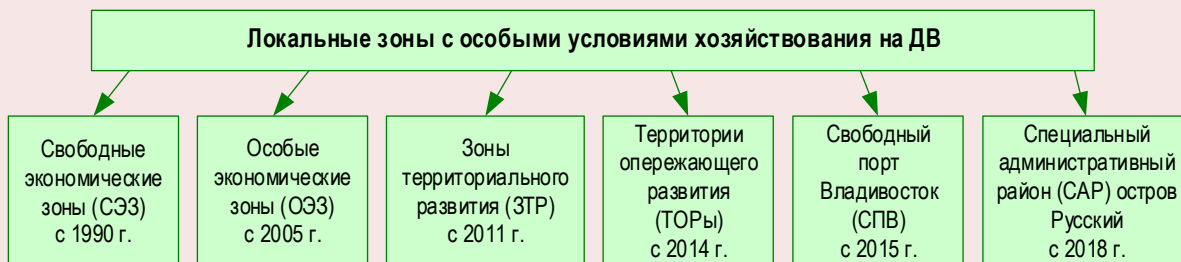
ступал своеобразной экономической лабораторией, где еще с советских времен предпринимались попытки создать свободные экономические зоны в качестве полюсов роста с особыми условиями хозяйствования. В современной России данный опыт был дополнен небесспорными попытками создания ряда локальных зон с особыми условиями хозяйствования [15, с. 24–36]:

- свободные экономические зоны (СЭЗ) с 1990 г.;
- особые экономические зоны (ОЭЗ) с 2005 г.;
- зоны территориального развития (ЗТР) с 2011 г.;
- территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы) с 2014 г.;
- свободный порт Владивосток (СПВ) с 2015 г.;
- специальный административный район (САР) остров Русский с 2018 г. (рис. 1).

Отметим, что попытки имплантации концепции полюсов роста на дальневосточную почву в виде свободных и особых экономических зон, как и зон территориального развития, оказались неудачными в силу ряда причин:

- территориальные масштабы СЭЗ советского времени были огромными, статус СЭЗ зачастую присваивался целым субъектам Федерации (СЭЗ «Ева» охватывала целиком территорию Еврейской автономной области, а СЭЗ «Сахалин» – всю Сахалинскую область), что не укладывалось в размерные требования модели полюса роста Перру и явилось одной из причин того, что государство не смогло обеспечить необходимые огромные инвестиционные вложения, требовавшиеся для инфраструктурной подготовки территорий [16];

Рис. 1. Типы зон с особыми условиями хозяйствования, реализовывавшиеся или реализуемые на ДВ

- при создании СЭЗ в советской России не учитывалась доказанная зарубежным опытом необходимость обеспечивать эффективное нормативно-законодательное сопровождение процесса формирования зон. Слабо проработанная нормативно-правовая база советских СЭЗ в части создания реально благоприятных налоговых, таможенных и валютных преференций резидентам СЭЗ проигрывала в сравнении с условиями, существовавшими в сопредельных странах [17];

- при создании СЭЗ российское правительство концентрировалось на реализации фискальной функции, стремилось к скорейшему пополнению доходной части бюджета, что противоречило интересам потенциальных инвесторов и не способствовало росту инвестиционной активности резидентов зон [18, с. 292–295];

- попытка реанимации идеи полюсов роста под видом особых экономических зон, предпринятая в 2009–2014 гг., была сорвана затянувшимся поиском инвесторов в формально созданные на ДВ ОЭЗ, осложнилась развернувшимся кризисом на фоне более значимых льгот, предложенных инвесторам в территориях опережающего развития, что в совокупности привело к ликвидации в 2016 году всех так и не начавших реально функционировать дальневосточных ОЭЗ [19];

- меры господдержки в зонах территориального развития (2011 г.) оказались значительно слабее, чем в особых экономических зонах или ТОРах, и не были зафиксированы в соответствующих подзаконных актах, поэтому, несмотря на подготовительные работы в Амурской области и Камчатском крае, ни одной ЗТР на ДВ не было сформировано [20].

Реально в настоящее время на ДВ реализуются три типа локальных зон, формально соответствующих идеологии полюсов роста – территории опережающего социально-экономического развития (ТОРы), Свободный порт Владивосток (СПВ) и специальный административный район остров Русский (САР Русский).

Проблемы формирования и перспективы развития различаются для каждого из типов дальневосточных локальных зон. Наиболее проблематична на данный момент судьба САР Русский.

Специальный административный район (САР) на острове Русский – самый молодой инструмент точечного воздействия на территориальное развитие из применяемых на Дальнем Востоке. Информация о нем скупа и противоречива. Специальный район был создан в 2018 году¹, одновременно с САР на острове Октябрьский в Калининграде. По сути это две офшорные зоны РФ, образованные для спасения попавших под санкции США российских компаний [21]. Управляющей компанией САР определено АО «Корпорация развития Дальнего Востока» (КРДВ), которое оказывает содействие претендентам в поиске места регистрации в САР и поддержку в дальнейшей их работе в России.

На начало 2020 года в САР Русский в Приморье зарегистрировано всего два резидента (для сравнения, в Калининградской области в САР Октябрьский их было 12)². Первой зарегистрировалась в российском «офшоре» во Владивостоке компания «Финвижн Холдингс», ранее находившаяся под кипрской юрисдикцией. Компания является основным акционером банка «Восточный», одного из опорных банков в Дальневосточном федеральном округе. Компания «Доналинк», сферой деятельности которой выступает угольный и энергетический бизнес, стала вторым резидентом САР Русский.

По словам генерального директора АО «КРДВ», инвесторы обеих компаний предпочли регистрацию в Приморье в связи с тем, что основные их активы сосредоточены на Дальнем Востоке³. Тем не менее создание и функционирование САР Русский носит в значительной мере политический характер. Не случайно Минэкономразвития предлагает не раскрывать имена владельцев компаний из специальных административных районов в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ)

¹ См. Федеральный закон от 03.08.2018 г. № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территориях Калининградской области и Приморского края».

² Еще одну компанию зарегистрировали в офшоре на Русском острове. URL: <https://www.news.vl.ru/vlad/2019/03/15/178977/#ixzz6JLYLdpCZ>

³ В специальном административном районе на о. Русский международные компании получают дополнительные льготы. URL: <https://erd.ru/news/v-spetsialnom-administrativnom-rayone-na-o-russkiy-mezhdunarodnye-kompanii-poluchat-dopolnitelnye-lg/>

для защиты от санкций⁴. Соответствующий законопроект размещен на федеральном портале проектов нормативных правовых актов⁵. И хотя, по имеющейся информации, КРДВ ведет переговоры с тремя новыми компаниями по поводу редомициляции, сотрудники КРДВ отмечают: «Невозможно не заметить определенную осторожность к САР со стороны бизнеса»⁶.

Учитывая вышеизложенное, говорить о позитивном опыте реализации проекта САР Русский, а тем более о значимости влияния этой локальной зоны на экономику Дальнего Востока, затруднительно. Можно лишь сослаться на мнение полномочного представителя президента на Дальнем Востоке Юрия Трутнева о том, что режим специального административ-

ного района, внедренный на острове Русский, не принес региону никаких преимуществ⁷.

Преференциальные режимы дальневосточных локальных зон

В отличие от САР Русский, проекты ТОРов и СПВ постоянно на слуху, о них говорят в СМИ. Но прежде чем рассматривать особенности развития ТОРов и СПВ, следует понять, в чем схожесть и различие льготных (преференциальных) режимов функционирования резидентов этих локальных территориальных образований (*табл. 1*).

Режим СПВ возник чуть позже ТОР, но главное отличие режимов зон, которое отмечают члены Ассоциации резидентов ТОР и СПВ, состоит в возможности для резидентов

Таблица 1. Особенности режимов ТОР и СПВ

	ТОР (2014)	СПВ (2015)
Срок	70 лет с возможностью продления	70 лет с возможностью продления
Инфраструктура	Предоставляет Управляющая компания (УК)	Подключение самостоятельно
Земля	Предоставляет УК	Получает в муниципалитете без аукциона
Место реализации	Определено кадастровыми кварталами для каждой ТОР индивидуально	Ограничено границами муниципальных образований
Налоговые льготы резидентам	- Социальные отчисления 7,6% первые 10 лет - налог на добычу полезных ископаемых 0% первые 2 года, с постепенным повышением понижающего коэффициента до 100% за 10 лет - налог на прибыль 0% в первые 5 лет, 12% – следующие 5 лет (2% в федеральный и 10% – в региональный бюджет) - налог на имущество 0% на 5 лет, 0,5% на следующие 5 лет - налог на землю 0% (первые 3–5 лет) ⁸	- Социальные отчисления 7,6% первые 10 лет - 10 дней ускоренное возмещение НДС - 5% налог на прибыль (0% в федеральный бюджет и не более 5% в региональный) - 0% налог на землю 5 лет - 0% налог на имущество первые 5 лет и 0,5% в следующие 5 лет
Необходимые инвестиции	500 тыс. рублей	5 млн рублей в течение трех лет
Особые обязательства резидента	Несет ответственность за неиспользование запрошенной инфраструктуры	Отсутствуют
Составлено по: О свободном порте Владивосток: закон Российской Федерации от 13.07.2015 № 212-ФЗ // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ ; О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 02.04.2020).		

⁴ Минэкономразвития предлагает не раскрывать владельцев компаний-резидентов ТОР и офшора на Русском для защиты от санкций. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/10/11/184551/#ixzz6JLZhVExy>

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части осуществления учета прав на доли и ведения списка участников общества регистратором). URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=95528>

⁶ Минэкономразвития повысит привлекательность российских офшоров. URL: <https://primamedia.ru/news/896923/>

⁷ «Офшорная зона» на Русском острове ничего не принесла региону. URL: <https://www.newsvl.ru/vlad/2019/01/14/177130/#ixzz6JLaWhyNJ>

⁸ Точный срок устанавливается представительным органом муниципального образования.

СПВ получить земельные участки под свои проекты без обременительных и затратных процедур. По результатам опроса, проведенного среди резидентов СПВ в 2019 году, 86% респондентов заявили, что преференция при получении земли имеет ключевое значение для реализации их инвестиционных проектов. Если бы подобная льгота отсутствовала, более 40% опрошенных отказались бы от реализации проектов из-за длительного оформления земельных участков, а еще свыше трети – из-за высокой стоимости земельных участков, формирующейся на торгах⁹.

Динамика числа резидентов зон

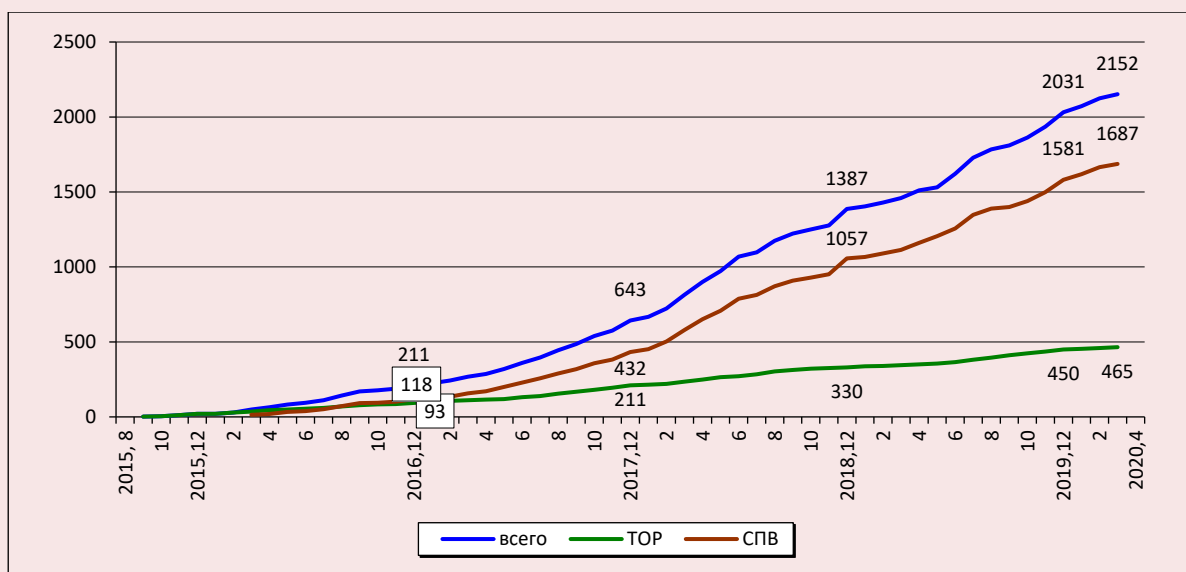
Проект ТОРов реализуется на ДВ с декабря 2014 года и имеет среди локальных преференциальных режимов Дальнего Востока наиболее продвинутое в экономическом, нормативном и организационном плане историю. К настоящему времени опыт дальневосточных ТОРов тиражируется в 154 российских муниципалите-

тах [22], где созданы территории опережающего социально-экономического развития, позиционируемые как потенциальные полюса роста.

На начало апреля 2020 года на ДВ насчитывалось 465 действующих резидентов в 20 ТОРах (рис. 2).

Идея создания СПВ возникла как развитие идеи ТОРов и обрела законодательные черты в очень сжатые сроки, что можно объяснить стремлением ознакомить с данным проектом потенциальных инвесторов на Восточном экономическом форуме 2015 года (г. Владивосток). Для реализации этой идеи 4 декабря 2014 года в послании Федеральному Собранию В.В. Путин предложил наделить Владивосток статусом свободного порта. В марте 2015 года проект федерального закона был подготовлен, в июне – принят, в октябре 2015 года ФЗ-212 «О свободном порте Владивосток»¹⁰ вступил в силу. Первые резиденты в СПВ были зарегистрированы в марте 2016 года.

Рис. 2. Помесячная динамика числа резидентов ТОРов и СПВ, 2015–2020 гг., ед.

Составлено по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf>; Реестр резидентов Свободного порта Владивосток. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения 02.04.2020).

⁹ Ассоциация резидентов встала на защиту ключевой преференции свободного порта Владивосток. URL: <https://primamedia.ru/news/927383/>

¹⁰ См. Закон Российской Федерации «О свободном порте Владивосток» от 13.07.2015 № 212-ФЗ Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182596/ (дата обращения 02.04.2020).

На 1 апреля 2020 года проект СПВ насчитывал 1687 резидентов (см. рис. 2).

Как видно из представленных данных, начав формироваться позже ТОРов, СПВ уже в августе 2016 обогнал их по числу резидентов. Хотя количественный анализ практических результатов реализации проектов СПВ и ТОР в регионе затруднен ввиду относительно небольшого срока существования особых правовых режимов и отсутствия достаточной эмпирической информации о результатах деятельности резидентов зон, рассмотрим особенности создания и функционирования ТОРов и СПВ на ДВ.

Особенности создания и функционирования ТОРов на ДВ. Три первые территории опережа-

ющего развития были созданы на ДВ в июне 2015 года (Хабаровская и Комсомольская в Хабаровском крае, Надеждинская – в Приморском крае)¹¹. В период с августа 2015 до августа 2018 года сформировались еще 15 ТОРов в 8 дальневосточных субъектах Федерации. В 2019 году были созданы две территории опережающего развития во вновь присоединенных к Дальневосточному федеральному округу регионах – «Бурятия» и «Забайкалье».

На 1 апреля 2020 года на Дальнем Востоке функционировало 20 ТОРов, общее число действующих резидентов составило 465 при общей смертности предприятий 9,5% за 2015–2020 гг. (табл. 2).

Таблица 2. Структура дальневосточных ТОРов (по состоянию на 01.04.2020 г.)

Регион	Наименование ТОР	Дата создания (мм.гг)	Специализация	Число приоритетных видов деятельности*	Число зарегистрированных резидентов с момента образования	Число расторгнутых соглашений с момента образования	Число действующих резидентов
Приморский край	Надеждинская	06.15	Промышленно-логистическая, пищевая, сельское хозяйство	53	80	12	68
	Михайловская	08.15	Сельское хозяйство	53	19	1	18
	Большой Камень	01.16	Судостроение, туризм	51	25	4	21
	Нефтехимическая	03.17	Нефтепереработка	33	2	-	2
Хабаровский край	Комсомольск	06.15	Промышленная, производство комплектующих для авиастроения	53	37	7	30
	Хабаровск	06.15	Промышленно-логистическая, сельское хозяйство, металлургическое производство	53	52	11	41
	Николаевск	04.17	Судоремонт, переработка водных биоресурсов, добыча полезных ископаемых	7	7	-	7
Еврейская автономная область	Амуро-Хинганская	08.16	Горнодобывающая промышленность, туризм, легкая и пищевая промышленность	13	6	1	5
Амурская область	Белогорск	08.15	Сельское хозяйство, производство пищевых продуктов	53	10	1	9
	Приамурская	08.15	Промышленно-логистическая	55	10	1	9
	Свободный	06.17	Газоперерабатывающий завод, нефтехимическая промышленность	20	8	-	8

¹¹ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 29 декабря 2014 № 473-ФЗ // Информационно-правовая база «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения 02.04.2020).

Окончание таблицы 2

Регион	Наименование ТОР	Дата создания (мм.гг)	Специализация	Число приоритетных видов деятельности*	Число зарегистрированных резидентов с момента образования	Число расторгнутых соглашений с момента образования	Число действующих резидентов
Сахалинская область	Горный воздух	03.16	Туризм	16	27	-	27
	Южная	03.16	Сельское хозяйство, производство продуктов питания, туризм	23	10	1	9
	Курилы	08.17	Рыбная промышленность, марикультура, туризм	6	4	-	4
Камчатский край	Камчатка	08.15	Туристическая, промышленно-логистическая, сельское хозяйство, рыболовство и рыбоводство	50	104	5	99
Республика Саха (Якутия)	Кангалассы (индустриальный парк)	08.15	Промышленная (производство химических, пластмассовых и резиновых изделий), растениеводство и животноводство	51	26	4	22
	Южная Якутия	12.16	Горнодобывающая промышленность, добыча и переработка коксующихся углей	33	18	-	18
Чукотский автономный округ	Чукотка	08.15	Горнодобывающая промышленность, рыболовство	47	55	1	54
Республика Бурятия	Бурятия	06.19	Растениеводство, животноводство, строительство инженерных сооружений	6	2	-	2
Забайкальский край	Забайкалье	07.19	Растениеводство, животноводство, лесоводство и лесозаготовки, добыча угля и металлических руд, производство пищевых продуктов, кокса, нефте- и химпродуктов, строительство, деятельность водного, воздушного и космического транспорта	24	12	-	12
Итого	20			700	514	49	465

* Виды экономической деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим предпринимательской деятельности, на территории опережающего социально-экономического развития.
Составлено по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf> (дата обращения 02.04.2020).

Как видно из таблицы, первые из созданных ТОРов можно охарактеризовать как «комплексные», поскольку общее число видов деятельности, при осуществлении которых действует особый правовой режим осуществления предпринимательской деятельности, в этих зонах составляло 50–53. С 2016 года федеральное правительство изменило политику создания ТОРов, фокусируясь на «узкопрофильных» зонах, где число разрешенных видов деятельности колеблется от 5 до 24.

Активность инвесторов сильно различается по зонам. На начало апреля 2020 года ТОР «Камчатка» являлась крупнейшей среди всех зон по числу действующих резидентов (99), за ней следуют «Надеждинская» (68), «Чукотка» (54), «Хабаровск» (41) и «Комсомольск» (30). Среди ТОРов с наименьшим числом резидентов на 01.04.2020 – «Нефтехимическая» (2) и «Курилы» (4). Из вновь созданных выделяется ТОР «Бурятия», имеющая лишь двух резидентов на анализируемую дату.

Можно предположить, что выявленное значительное расхождение между ТОРами по числу резидентов объясняется рядом факторов [23]. Лидирующие по числу резидентов ТОРЫ были открыты в 2015 году и, как следствие, имеют более продолжительную историю, чем созданные позднее. «Комплексные ТОРЫ» объективно открыты для большего числа предпринимателей и более привлекательны. Не случайно 5 крупнейших ТОР являются «комплексными». С другой стороны, можно высказать гипотезу, что на величину крупных ТОРов («Надеждинская», «Хабаровск» и «Комсомольск») положительно влияет близость к крупным городам (ТОР «Надеждинская» расположена в пригороде Владивостока). Правда, с этим предположением спорит лидирующая по числу резидентов среди всех территорий опережающего развития на Дальнем Востоке ТОР «Камчатка».

Специализация ТОРов

Основные направления специализации и количество видов экономической деятельности, которое разрешено к ведению в каждой из ТОР, показаны в табл. 2. Поскольку один резидент может осуществлять несколько видов экономической деятельности, совокупное число зарегистрированных видов экономической

деятельности (700) в 1,5 раза превышает число действующих на 01.04.2020 резидентов (465).

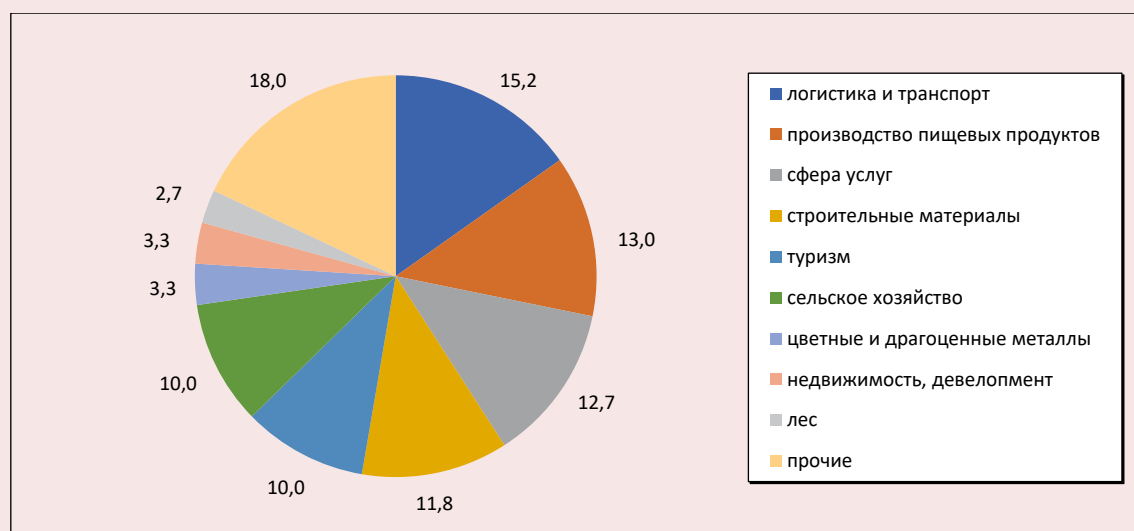
На базе реестров, которые ведет Корпорация развития Дальнего Востока и в которых содержатся данные о хозяйственной деятельности резидентов, оценим отраслевую структуру резидентов дальневосточных ТОРов (рис. 3).

Как видно из рисунка, в отраслевой структуре территорий опережающего развития свыше половины составляют предприятия четырех групп отраслей: логистики и транспорта (15,2%), производства пищевых продуктов (13%), сферы услуг (12,7%) и строительных материалов (11,8%).

Газо-, нефтехимические и судостроительные предприятия формируют лишь 0,6; 0,6 и 1,2% от числа предприятий, однако по заявленным объемам инвестиций (949; 784 и 200 млрд рублей соответственно) именно они сформируют 83% инвестиционного портфеля ТОРов Дальнего Востока к 2029 г.

На практике у резидентов ТОРов относительно невысокая смертность – 9,5%, а учитывая, что 75% предприятий в дальневосточных ТОРах относятся к категории малых и средних, это можно рассматривать как показатель в целом благоприятного микроклимата для резидентов.

Рис. 3. Отраслевая структура резидентов ТОРов, по данным на 01.01.2019, % от общего числа

Рассчитано по: Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-tor.pdf>

Правда, вопрос об эффективности влияния преференциальных режимов ТОРов на регионы-реципиенты требует самостоятельного рассмотрения. В настоящее время льготы в основном касаются налогов и ряда материальных выгод для бизнеса на значительном числе площадок в ТОРах (см. табл.1), что часто ведет не к конкуренции резидентов за возможность оказаться на той или иной площадке, а к борьбе преференциальных режимов за резидентов. Не случайно замминистра экономического развития отмечал на V Восточном экономическом форуме в 2019 году, что «льготы в ТОРах становятся еще более обширными, регионы предлагают условия, которые не всегда положительным образом влияют на экономику самого региона»¹².

В силу своей важности вопрос об оценке влияния преференциальных режимов локальных зон на экономику Дальнего Востока требует более подробного рассмотрения. После анализа особенностей создания и функционирования СПВ, как еще одного типа локальных зон на ДВ, вернемся к вопросу об оценке

влияния режимов локальных зон на экономику макрорегиона.

Особенности создания и функционирования СПВ на ДВ

Первые резиденты в свободном порту Владивосток были зарегистрированы в марте 2016 года. В настоящее время проект реализуется в 22 муниципальных образованиях пяти дальневосточных субъектов РФ (табл. 3). Общая численность резидентов СПВ растет достаточно динамично. На начало 2019 года СПВ насчитывал 1057 резидентов, а к апрелю 2020 года их число выросло до 1687. Общая смертность предприятий в СПВ ниже, чем в ТОРах, за период реализации проекта она составила 4,1%.

Как видно из данных, представленных в таблице, территориальное ядро СПВ составляют резиденты Приморского края. Именно здесь размещено 85% всего числа резидентов и ожидается вложение 82% из заявленных 582 млрд рублей инвестиций, которые прогнозируется вложить в СПВ к 2029 году. На Приморье придется и 92% из 60 тыс. новых рабочих мест, которые планируется создать в СПВ.

Таблица 3. Территориальная структура резидентов СПВ

Субъект Федерации	Территориальное размещение резидентов СПВ	Число резидентов, ед.	Инвестиции, млрд руб.		Рабочие места, шт.	
		На 01.01.2019	План (2029)	Факт (01.01.2019)	План (2029)	Факт (01.01.2019)
Камчатский край	ГО* Петропавловск-Камчатский	116	7	1	1668	135
Чукотский автономный округ	ГО Певек	5	0	0	24	0
Сахалинская область	Углегорский МР**; ГО Корсаковский	26	12	0	1046	155
Хабаровский край	Ванинский МР и Советско-Гаванский МР	15	82	14	2102	156
Приморский край	16 адм. районов: ГО Артем, ГО Владивосток, ГО Большой Камень, ГО Находкинский, ГО Партизанский, ГО Спасск-Дальний, ГО Уссурийский, Надежинский МР, Шкотовский МР, Октябрьский МР, Ольгинский МР, Партизанский МР, Пограничный МР, Хасанский МР, Лазовский МР, Ханкайский МР	895	478	38	55189	6144
Итого		1057	582	54	60029	6590

* ГО – городской округ; ** МР – муниципальный район.
Составлено по: Итоги 2018 г.: доклад / Корпорация развития Дальнего Востока. М., 2019. 153 с.

¹² Опустили, но не поднялись. Замглавы Минэкономразвития прошелся по льготным режимам. URL: <https://konkurent.ru/article/24200>

Сложившаяся в настоящее время высокая концентрация резидентов зоны в городе Владивостоке, насчитывающем более 600 тыс. человек населения, со сформировавшейся застройкой, установленным градостроительным зонированием, при ограниченном количестве свободных земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, и одновременном высоком спросе на такие земли привела к тому, что ключевая преференция данного типа локальных зон (получение земли без торгов) становится существенной проблемой при реализации режима СПВ. Возникает конкуренция между резидентами СПВ, претендующими на один и тот же участок. В результате во Владивостокском городском округе по состоянию на начало апреля 2020 года более 70% резидентов СПВ, подавших заявки на земельные участки, землю не получили¹³.

Учитывая высокий спрос на земельные участки на территории СПВ, для решения данного вопроса в Государственную Думу РФ

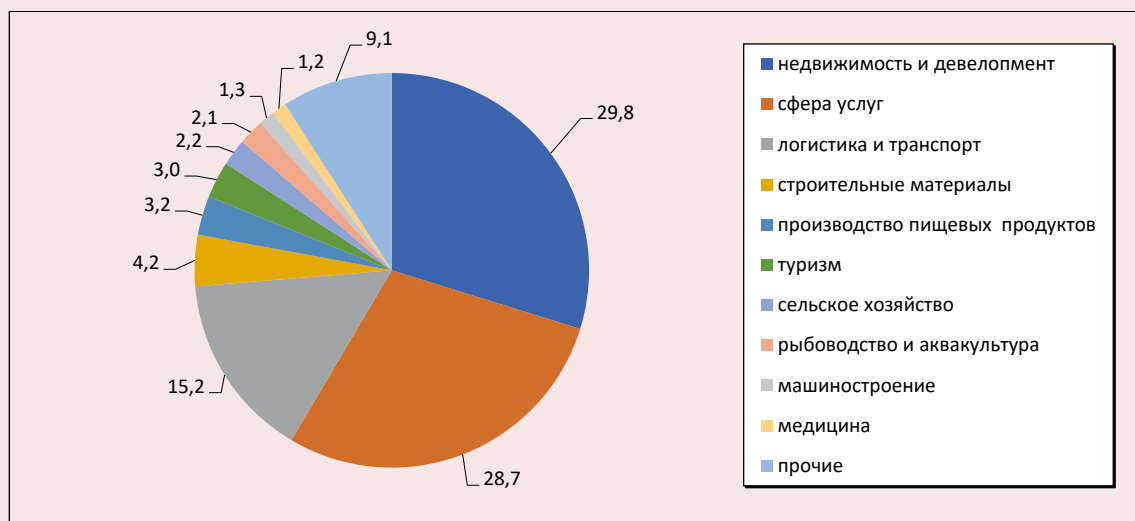
24 марта 2020 г. был внесен проект Федерального закона, в котором проблему конкуренции между резидентами СПВ, претендующими на один и тот же земельный участок, предлагается решать посредством возврата к процедуре аукциона¹⁴.

Оценить последствия принятия подобного закона довольно сложно. Выше отмечалось, что в 2019 году в ходе опроса 86% резидентов СПВ говорили об определяющей значимости преференции при получении земельных участков для решения вопроса о размещении производства в СПВ. В подобных условиях ясно, что принятие Государственной Думой предложенного проекта Федерального закона может резко повлиять как на численность, так и на отраслевую структуру резидентов СПВ.

Специализация СПВ

Формирующаяся в настоящее время отраслевая структура резидентов свободного порта Владивосток, согласно информации, содержащейся в реестре резидентов СПВ, который ведет КРДВ, представлена на *рисунке 4*.

Рис. 4. Отраслевая структура резидентов СПВ, по данным на 01.01.2019, % от общего числа предприятий

Рассчитано по: Реестр резидентов свободного порта Владивосток. URL: <https://erdc.ru/upload/reestr-spv.pdf> (дата обращения 02.04.2020).

¹³ Ассоциация резидентов встала на защиту ключевой преференции свободного порта Владивосток. URL: <https://primamedia.ru/news/927383/>

¹⁴ См. Проект Федерального закона № 928822-7 «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с изменением порядка предоставления в аренду земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, резидентам свободного порта Владивосток». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/928822-7#bh_note

Несколько неожиданным оказывается тот факт, что в отраслевой структуре резидентов СПВ группа предприятий транспорта и логистики занимает лишь третье место (15,2%) от общего числа предприятий СПВ, значительно уступая самой многочисленной группе предприятий, связанных с недвижимостью и девелопментом (29,8%), а также группе предприятий сферы услуг (28,7%).

Анализ структуры потенциальных инвестиций, заявленных к освоению резидентами зоны, меняет ситуацию с отраслями-лидерами в СПВ. Из 582 млрд руб. потенциальных инвестиций, заявленных к освоению до 2029 года, 42,2% будет инвестировано предприятиями логистики и транспорта, 33,4% придется на недвижимость и девелопмент, 6% составят инвестиции сферы услуг, 3,8% – рыбоводства и аквакультуры, 2,1% – туризма, 1,2–1,4% инвестиций придется на стройматериалы, производство пищевых продуктов и лес. Вклад остальных отраслей в потенциальный инвестиционный портфель СПВ – менее 1% [24].

Интересным фактом является высокий удельный вес малых и средних предприятий (МСП) среди резидентов локальных зон. Так, 92% от числа резидентов СПВ составляют МСП, что на 17 п. п. превышает долю МСП среди резидентов ТОРов. Причем среди МСП, зарегистрированных в свободном порту Владивосток, более 97% приходится на микропредприятия. Столь высокая доля МСП ни плоха, ни хороша сама по себе. Важна соподчиненность малых предприятий и предприятий-лидеров пропульсивных отраслей в части формирования наведенного системного эффекта. Данный вопрос требует отдельного рассмотрения и здесь лишь постулируется, ввиду отсутствия в настоящее время данных по хозяйственной активности МСП в локальных зонах на Дальнем Востоке.

Резюмируя, отметим, что формирующийся внутри локальных зон, как ТОРов, так и СПВ, бизнес-климат носит в целом позитивный для их резидентов характер, но еще не устоялся (о последнем свидетельствуют попытки пересмотра положений о заявительном принципе наделения землей резидентов СПВ или конкуренция преференциальных режимов ТОРов в борьбе за резидентов).

Оценка воздействия локальных зон на экономику ДВ

Подобный анализ осложняется отсутствием методики комплексной оценки деятельности зон с точки зрения всех заинтересованных сторон. Инфографика Министерства развития ДВ и Арктики, как и отчеты КРДВ, рассматривают данный вопрос только с точки зрения эффективности использования бюджетных средств, но не анализируют ни достижение декларируемых целей создания локальных зон на ДВ, ни влияние названных зон на бизнес-климат региона и качество региональных финансов.

Для оценки влияния льготных режимов локальных зон на экономику ДВ необходимо дать ответ как минимум на три вопроса. Во-первых, соответствуют ли дальневосточные модели формирования ТОРов и СПВ положениям классической модели полюсов роста Ф. Перру и, как следствие, имеют ли формирующиеся в зонах якорные предприятия пропульсивный характер, чтобы сформировать в регионе локальные зоны международного уровня?

Во-вторых, насколько преференциальные условия для резидентов зон стимулируют развитие бизнес-среды в дальневосточных субъектах РФ, и не являются ли они конкурентными для нерезидентов зон?

В-третьих, как создание дальневосточных ТОРов и СПВ повлияло на качество региональных финансов и структуру доходной базы региональных бюджетов?

Ответ на первый вопрос важен, так как, согласно Ф. Перру, именно пропульсивные отрасли определяют характер формирующегося полюса роста¹⁵. Как показывает мировой опыт, в удачных примерах реализации идей теории «полюсов роста» ключевое значение имел правильный выбор пропульсивных отраслей или их сочетаний [6; 7; 9].

¹⁵ В модели формирования «полюса роста» Ф. Перру классифицировал отрасли производства по тенденциям развития на три группы: деградирующие, с тенденцией снижения их доли в структуре экономики региона; с высоким темпом роста, но значительно не влияющие на развитие остальных отраслей территории; пропульсивные отрасли, для которых характерен как значительный рост производства, так и порождение цепной реакции роста промышленных центров, стимулирование индустриального развития региона [2, с. 123–138].

В связи с этим заметим, что транспорт и логистика, занимающие значительный удельный вес среди предприятий-резидентов дальневосточных локальных зон, являются инфраструктурными отраслями, их пропульсивный эффект небольшой и скорее носит наведенный характер, когда, например, на припортовых территориях создаются мощности по доработке продукции и т. п. [25; 26; 27].

Кроме того, анализ специализации создаваемых ТОРов и СПВ показывает, что большинство проектов рассчитано на локальный дальневосточный рынок или организацию импортозамещения. Формирующаяся специализация дальневосточных локальных зон, подкрепляемая утверждениями представителей федеральных органов власти о том, что «Дальнему Востоку нужны все инвесторы подряд»¹⁶, порождает сомнение, что Правительству России удастся реализовать главную идею создания локальных зон в регионе – сформировать на ДВ промышленный кластер, который сможет реально интегрироваться в международную промышленную сеть стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

О проблемах в достижении постулируемых целей создания локальных зон говорит и формирующийся механизм управления их деятельностью. Так, в России организация регионального управления территориями опережающего развития базируется на идее функционального подхода, начиная с организации создания инфраструктуры, нацеленности на выпуск готовой продукции в рамках зоны и заканчивая критериями успешности деятельности ТОР (число созданных рабочих мест, объем привлеченных инвестиций [24]). При этом практически не учитывается близость дальневосточных ТОРов к динамично развивающимся странам АТР, для которых характерна не функциональная, а организационная структура управления производством, в рамках которой ответственность за выпуск конечного продукта распределяется между несколькими странами (регионами). Например, между Республикой Корея и КНР в последнее

десятилетие значительно выросла доля внутриотраслевой торговли, особенно товарами промышленного назначения и промежуточными продуктами [28]. Это подтверждает преимущества процессного подхода к организации производства, особенно в условиях высокой конкуренции и частой смены бизнес-процессов. Поэтому объективно формирующаяся нацеленность дальневосточных ТОРов, как и резидентов СПВ, на внутренний спрос и импортозамещение может стать тормозом их экспортной специализации.

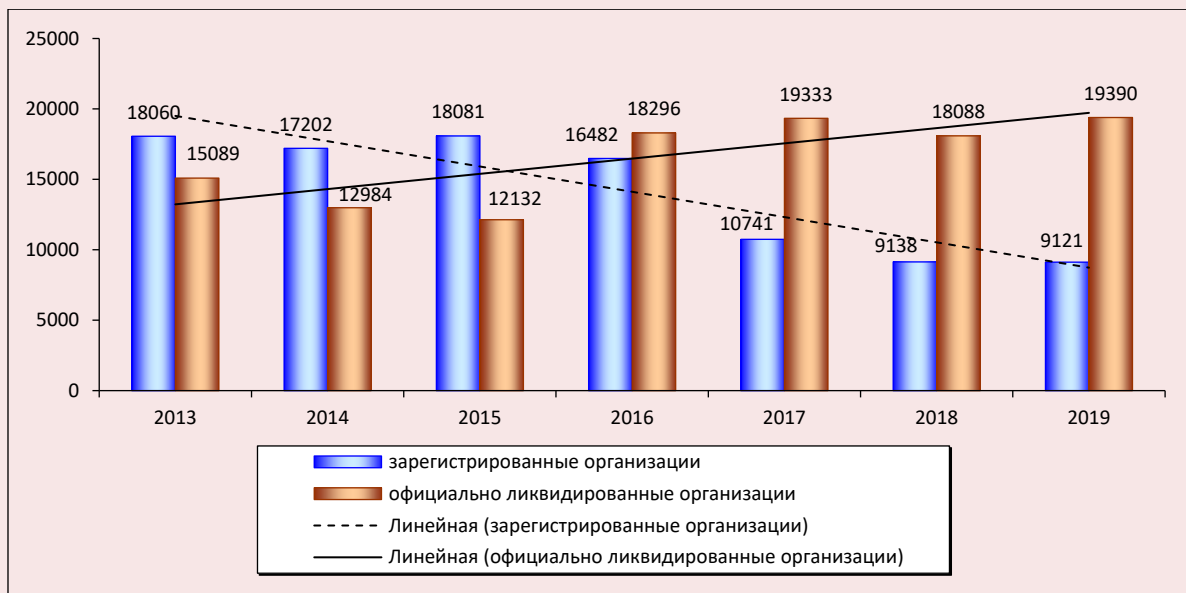
Для дальневосточных ТОРов и СПВ, с высокой вероятностью, это может означать повторение ситуации, зафиксированной экспертами в особых экономических зонах. Так, в ходе проверок Счетной палатой выяснилось, что за период 2013–2018 гг. 80% стоимостного объема вывозимой продукции ОЭЗ предназначалось не на экспорт, а для реализации на внутреннем рынке РФ [29]. При этом оценка наличия аналогичных производств в Российской Федерации показала значительное число предприятий, имеющих схожие по специфике производства, осуществляющих свою деятельность в обычном режиме, без применения льгот, предусмотренных в рамках ОЭЗ. Другими словами, вывоз с территорий ОЭЗ товаров, перемещаемых резидентами ОЭЗ в рамках использования процедур свободной таможенной зоны, не имел в рассматриваемый период экспортной направленности, то есть большинство фирм стремилось разместиться в особых экономических зонах лишь для получения налоговых преференций в сравнении с другими, «незональными» предприятиями, выпускающими аналогичную продукцию.

Для ответа на второй вопрос – насколько преференциальные условия для резидентов зон стимулируют развитие бизнес-среды на ДВ, проанализируем демографию организаций Дальневосточного федерального округа (ДФО).

Сравнительный анализ показывает, что за период 2015–2019 гг. (период с начала функционирования локальных зон на ДВ) на фоне увеличивающегося числа резидентов в ТОРах и СПВ (см. рис. 2) общеэкономическая ситуация для предприятий в макрорегионе в целом стала крайне неблагоприятной (рис. 5).

¹⁶ Замминистра: ДВ нужны все инвесторы подряд. Новости@mail.ru. 2017. 1 марта.

Рис. 5. Число зарегистрированных и официально ликвидированных организаций в территориальных рамках ДФО, 2013–2019 гг., ед.

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru/ (дата обращения 07.04.2020).

Если в 2013–2015 гг. при анализе демографических показателей предприятий ДФО можно было говорить об их расширенном воспроизводстве, когда на одно ликвидированное предприятие приходилось 1,2; 1,32 и 1,49 вновь созданных соответственно, то с 2016 по 2019 год наблюдается прямо противоположная тенденция – на Дальнем Востоке число ликвидируемых предприятий превышает число вновь создаваемых. Причем подобный разрыв растет. С 2016 года ситуация в целом начинает напоминать известный из демографии «русский крест».

На фоне растущего числа и низкой смертности предприятий-резидентов и в ТОРах, и в СПВ демографическую ситуацию с дальневосточными предприятиями можно трактовать как возникновение своеобразного «пылесоса», отсасывающего ресурсы из проблемных регионов в потенциальные полюса роста (ТОРы и СПВ). Существующие эмпирические исследования подтверждают этот факт [11; 23].

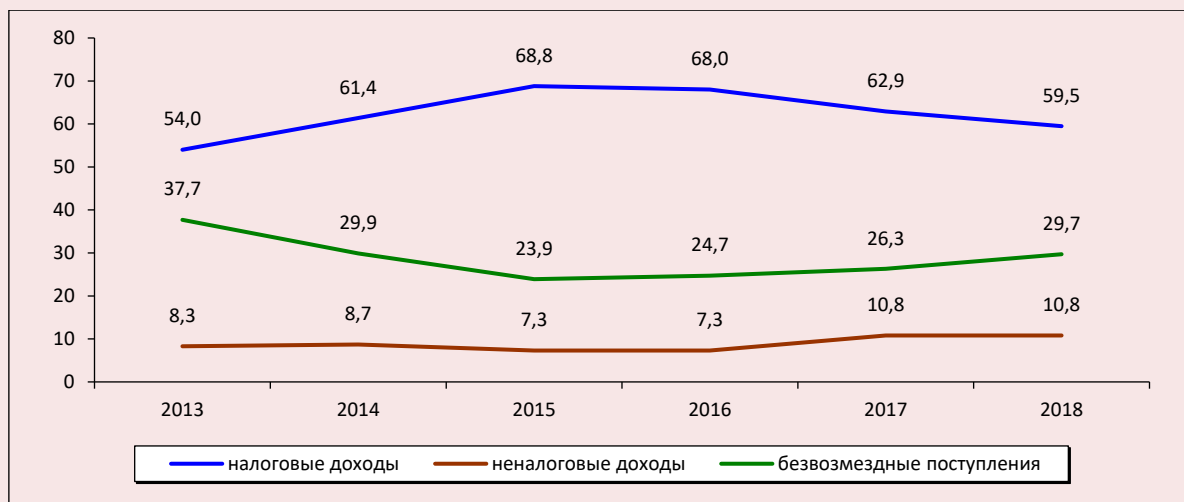
Третья группа вопросов, ответ на которые необходимо получить в рамках оценки влияния на экономику макрорегиона ТОРов и СПВ,

касается воздействия деятельности локальных зон на структуру доходной базы региональных бюджетов и изменение качества региональных финансов.

За анализируемый период (2013–2018 гг.) наиболее заметны изменения в структуре доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации. Основными источниками доходов бюджетов дальневосточных регионов традиционно являются налоговые и неналоговые доходы, а также трансферты из других бюджетов (рис. 6).

Как видно из рисунка, наметившееся в 2014–2015 гг. улучшение структуры консолидированного бюджета дальневосточных субъектов РФ за счет роста доли налоговых поступлений носило кратковременный характер и не было связано с деятельностью локальных зон. Наоборот, в период функционирования локальных зон (2015–2018 гг.) структура консолидированного бюджета дальневосточных субъектов РФ стала ухудшаться, что связано со снижением в доходах бюджета удельного веса налоговых поступлений и ростом неналоговых доходов

Рис. 6. Структура доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ, %

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения 04.02.2020).

Таблица 4. Объем и структура основных налоговых доходов консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ в 2013–2018 гг., млрд рублей / %

	2013	2014	2015	2016	2017	2018
<i>Налоговые доходы</i>	<i>349,0/100</i>	<i>432,6/100</i>	<i>544,9/100</i>	<i>526,5/100</i>	<i>488,2/100</i>	<i>540,2/100</i>
Налог на прибыль	97,2/27,9	159,3/36,8	240,3/44,1	196,7/37,4	143,7/29,4	159,4/29,5
Налог на доходы физических лиц (НДФЛ)	149,0/42,70	158,1/36,5	163,5/30,0	178,1/33,8	187,3/38,4	210,5/39,0

Рассчитано по: Информация об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ и бюджета территориального государственного внебюджетного фонда. URL: <https://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/> (дата обращения 04.02.2020).

и трансфертов. Можно предположить, что на подобное положение повлияло изменение качественной структуры основных налоговых доходов консолидированного бюджета дальневосточных субъектов Федерации (табл. 4).

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют о том, что в анализируемом периоде удельный вес налога на прибыль в основных налоговых доходах дальневосточных субъектов РФ значительно (на 14,1 п. п.) превышал удельный вес НДФЛ только в 2015 году. Ухудшение экономической ситуации в 2016–2018 гг. привело к снижению доли налога на прибыль с 44,1% в 2015 году до 29,5% в 2018 году при одновременном росте доли НДФЛ в основных налоговых доходах региональных бюджетов с 30 до 39% за это же время.

Подобное положение можно интерпретировать как сжатие общего числа прибыльных предприятий в регионе в результате определенного ухудшения экономической ситуации на Дальнем Востоке и введения льготного налогового режима в локальных зонах, что также снизило общую налогооблагаемую массу прибыли.

Заключение

1. Активность регистрации резидентов в локальных зонах, низкая смертность создаваемых в зонах предприятий, декларируемый настрой резидентов зон на рост инвестиционной активности и создание новых рабочих мест расцениваются федеральными органами власти и аффилированными с ними организациями как положительные сигналы к стимулированию бизнеса в дальневосточном регионе.

2. Формирующийся внутри локальных зон бизнес-климат носит в целом позитивный для их резидентов характер, но еще не устоялся (о чем свидетельствуют попытки пересмотреть положения о заявительном принципе наделения земель резидентов СПВ или конкуренция преференциальных режимов ТОРов в борьбе за резидентов).

3. Создаваемые на ДВ ТОРы и СПВ не в полной мере отвечают определению Ф. Перру о локальных точках («полюсах») роста. В них отсутствуют четко выраженные пропульсивные отрасли, а значительное число (75–92%) резидентов относятся к типу малых и средних предприятий и слабо связаны с предприятиями-лидерами зон. Государство не озабочено формированием пропульсивных отраслей в полюсах роста, ориентируясь на общий рост привлечения любых инвестиций в зоны.

4. Объективно формирующаяся в условиях санкционной войны нацеленность специализации дальневосточных локальных зон на внутренний спрос и импортозамещение может выступить тормозом для их экспортной специализации, будет блокировать эндогенный экономический рост в ареалах локальных точек роста, создаваемых на ДВ, придавая им черты полюсов роста не международного, а в лучшем случае локального значения по терминологии Ф. Перру.

5. Преференциальный климат, формирующийся в локальных зонах, не оказывает явного положительного воздействия на бизнес-климат

дальневосточных субъектов Федерации. На фоне роста числа резидентов в локальных зонах с льготными условиями хозяйствования демография числа создаваемых и ликвидируемых на ДВ предприятий в последние годы демонстрирует «русский крест» (превышение числа ликвидируемых предприятий над числом вновь создаваемых).

6. Анализ состояния консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов Федерации с целью фиксации воздействия особых режимов предпринимательской деятельности в специальных зонах на экономику ДВ показал, что наметившееся в 2014–2015 гг. улучшение структуры консолидированного бюджета дальневосточных субъектов РФ за счет увеличения доли налоговых поступлений носило кратковременный характер, коренного улучшения структуры консолидированного бюджета субъектов ДФО за анализируемый период (2013–2018 гг.) не произошло.

7. Ухудшилось качество региональных финансов дальневосточных субъектов Федерации, когда в налоговых поступлениях в региональные бюджеты доля налога на прибыль начинает снижаться, а доля НДСЛ – расти. Подобное положение можно интерпретировать как сжатие общего числа прибыльных предприятий в регионе в результате ухудшения экономической ситуации и введения льготного налогового режима в локальных зонах, что также снизило общую налогооблагаемую массу прибыли.

Литература

1. Селиверстов В.Е. Две модели региональной политики // ЭКО. 2008. № 4. С. 88–92.
2. Буржуазная региональная теория и государственно-монополистическое регулирование размещения производительных сил (критический анализ). М.: Мысль, 1981. С. 123–138.
3. Перру Ф. Экономическое пространство: теория и приложения // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 77–93.
4. Лексин В.Н. Влияние факторов самоорганизации и внешних регулирующих воздействий на процессы трансформации территориальных систем // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Вып. 6. 2015. С. 8–27.
5. Одинцова А.В. Пространственная экономика в работах представителей французской школы регуляции // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 56–70.
6. Ласуэн Х.Р. Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами // Пространственная экономика. 2009. № 4. С. 106–125.
7. Нешадин А., Треву Д.С. О французском опыте создания полюсов конкурентоспособности // Общество и экономика. 2012. № 5. С. 129–134.

8. Эльканов Р.Х. Полюса развития и точки роста инновационной экономики: Российский и зарубежный опыт // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и Право». 2012. № 2. С. 39–43.
9. Украинский В.Н. Французская пространственная экономика: от промышленных округов до полюсов конкурентоспособности // Пространственная экономика. 2011. № 3. С. 92–93.
10. Михеева Н.Н., Ананьева Р.И. Инструменты региональной политики: оценка эффективности использования // Регион: экономика и социология. 2011. № 3. С. 39–57.
11. Швецов А.Н. Особые правовые режимы для привлечения частных инвестиций и современных технологий в развитие территорий // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 4. С. 49–63.
12. Бачлер Дж. Оценка региональной политики в европейском сообществе // Политанализ.Ру. 2005. URL: http://www.politanaliz.ru/articleprint_501.html (дата обращения март 2020).
13. Кузнецова О.В. Особые экономические зоны: эффективны или нет? // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 129–152. DOI: 10/14530/se.2016.4.129-152
14. Лексин В.Н. Результативность и эффективность действия региональной и муниципальной власти: назначение и возможности корректной оценки // Регион: экономика и социология. 2012. № 1. С. 3–39.
15. Леонов С.Н., Барабаш Е.С. Стратегическое управление развитием территории. М.: КНОРУС, 2020. 184 с.
16. Архипов А.Ю., Павлов П.В., Татарова А.В. Институты особой экономической зоны и приграничной торговли как структуры эффективного развития международной инвестиционной деятельности. Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2011. 294 с.
17. Леонов С.Н., Барабаш Е.С. Негативный опыт создания зон с особыми условиями хозяйствования на Дальнем Востоке. Причины неудач // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России: материалы международной научной конференции / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. 2020. С. 215–220.
18. Кузнецова О.В. Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 292–295.
19. Окунь С. Белый дом проредил особые зоны. Закрыты восемь туристических и портовых ОЭЗ // Коммерсантъ. 2016. 30 сентября.
20. Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67. DOI: 10.14530/se.2017.2.041-067
21. Острова замещения. Офшоры в Калининграде и Владивостоке придуманы взамен карибским / Д. Бутрин [и др.]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3600216>
22. Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации. URL: <https://minjust.ru/ru/razvitie-federativnyh-otnosheniy-i-mestnogo-samoupravleniya/doklad-o-sostoyanii-i-osnovnyh> (дата обращения апрель 2020).
23. Леонов С.Н. Опыт реализации концепции полюсов роста в развитии Дальнего Востока России // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 88–101. DOI: 10.14530/reg.2019.6.88
24. Итоги 2018 г.: доклад / Корпорация развития Дальнего Востока. М., 2019. 153 с.
25. Розанова Л.И., Морошкина М.В. Стимулирование развития пропульсивных отраслей как заданный импульс структурных сдвигов // Вопросы безопасности. 2015. № 5. С. 1–20. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.5.16539
26. Вертакова Ю.В., Клевцова М.Г., Положенцева Ю.С. Формирование точек кластерного роста экономического развития территорий // Вестник ОрелГИЭТ. 2015. № 2 (32). С. 56–60.
27. «Пропульсивные отрасли» регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности / С.В. Кузнецов [и др.] // Экономика региона. 2019. Т. 15. Вып. 4. С. 1253–1265.
28. Хонгел Хан. Развитие Дальнего Востока России в условиях новой экономической ситуации в мире // ЭКО. 2017. № 3. С. 12–13.
29. Штогрин С.И. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ номенклатуры и объема товаров, ввозимых на территории особых экономических зон и вывозимых с таких территорий в 2016–2017 годах» // Бюллетень Счетной Палаты РФ. 2019. № 5. URL: <http://audit.gov.ru/upload/iblock/486/4866c92ebca6053af248d508341d1dd9.pdf>

Сведения об авторе

Сергей Николаевич Леонов — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Leonov S.N.

Preferential Regimes of Established Local Growth Points and Its Impact on the Economy of the Far East

Abstract. The successful experience of France in implementing the concept of “growth poles” by F. Perroux led to the widespread usage of polarized development ideas in the elaboration of spatial strategies. The Russian Far East (FE) has accumulated considerable, and rather contradictory, experience of creating local growth points. The purpose of the study is to analyze the Far East’s experience of forming local zones with preferential economic regimes, to identify problems of its implementation, and to assess the impact of special local zones’ regimes on the economy of the macro-region. The analysis of the performance of local zones’ functioning was based on the assessment of the degree of achieving targets for creating local “growth points”. The assessment of the impact of local zones on the economy of FE was based on a comparative analysis of enterprises’ demographics, changes in the revenue structure of consolidated budgets of Far Eastern regions, and the quality of regional finances for 2013–2019. The implementation of these approaches showed that the business climate of Far Eastern local zones has a positive nature for its residents, but it has not yet been established; in the absence of a clear position of the state concerning the formation of propulsive industries in most local areas, anchor projects do not have a propulsive nature, and a significant number of small and medium enterprises is loosely connected with enterprises-leaders of zones. Orientation of specialization of Far Eastern local zones toward domestic demand and import substitution, which is objectively formed within the sanctions war, can slow down its export specialization; preferential climate of local zones has no obvious positive impact on the business climate of Far Eastern entities of the Federation, and the growing number of residents with preferential business conditions in local zones dissonant with demographics of FE enterprises. There is a deterioration of the quality of regional finances and the decrease of the taxable mass of profits. It implies the reduction of the number of profitable enterprises in FE as the result of the economic situation deterioration and the introduction of a preferential tax regime in region’s local areas.

Key words: territories of advanced development, free port of Vladivostok, Far East, development efficiency.

Information about the Author

Sergej N. Leonov — Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya St., Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: Leonov@ecrin.ru)

Статья поступила 01.05.2020.